

Статус эвиденциального перфекта в терском диалекте кумыкского языка

Касенов Данияр Ерланович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; mortypines@gmail.com

Парамонова Дарья Александровна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
dashparamonova@yandex.ru

В статье обсуждается взаимодействие эвиденциальности и перфекта в терском диалекте кумыкского языка в сопоставлении с другими тюркскими языками и в особенности с другими кыпчакскими языками на материале полевых данных. В работе показано, что видо-временная форма перфекта в терском диалекте кумыкского языка не обладает ограничениями на дистрибуцию эвиденциального характера. Также в статье рассматривается статус частицы *экен/=мкен*, которая диахронически восходит к форме перфекта вспомогательного глагола, но в настоящее время представляет собой «застывшую» частицу, не являющуюся частью сложной глагольной формы. Помимо самого эвиденциального статуса частицы *=мкен*, также обсуждается ее взаимодействие с семантикой общих и частных вопросов, что дополняет типологию взаимодействия эвиденциальных показателей с вопросительными операторами.

Ключевые слова: тюркские языки, кыпчакские языки, кумыкский язык, терский диалект, эвиденциальность, перфект, вопросительные конструкции

STATUS OF THE EVIDENTIAL PERFECT IN THE TEREK DIALECT OF KUMYK LANGUAGE

Daniar E. Kasenov, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),
Lomonosov Moscow State University; mortypines@gmail.com

Daria A. Paramonova, Lomonosov Moscow State University; dashparamonova@yandex.ru

This paper aims to describe the relationship between evidentiality and perfect aspect in the Terek dialect of Kumyk language. It also provides the comparison with other Turkic languages and with a focus on comparison with related languages of the Kipchak group. The paper shows that the aspectual form of perfect does not have any evidential restrictions on its interpretation in Terek Kumyk. Additionally, the paper discusses the status of the particle *eken/=mken*, which is diachronically related to the perfect form of the auxiliary verb, but which is just a particle and not a part of the complex verbal form since it cannot bear the verbal morphology in the current state of the grammar of the Terek dialect of Kumyk language. In addition to the evidential status of the particle *=mken*, which can be defined as the inferential marker, the paper also discusses its interaction with interrogative semantics (on the basis of polar and *wh*-questions), adding to the existing typology of evidential-interrogative interactions. The main conclusion which can be made considering the interrogative contexts where *=mken* particle is either infelicitous or obligatory is that there is no such phenomenon as interrogative flip in Terek dialect of Kumyk language. We will as well provide some diagnostics proving that the interrogative contexts with the investigated evidential particle can be rather defined as conjectural questions (the situation in which the speaker does not expect the listener to answer his question).

Keywords: Turkic languages, Kipchak languages, Kumyk language, Terek dialect, evidentiality, perfect, interrogative constructions

1. Введение

Эвиденциальность — грамматическая категория, несущая указание на источник сведений говорящего относительно описываемой ситуации [Плунгян 2011: 449]. В языках мира встречаются как специализированные эвиденциальные показатели, так и показатели, сочетающие в себе эвиденциальные и иные значения из семантической зоны времени-аспекта-наклонения (ТАМ, tense-aspect-mood). Частая картина в языках мира — использование перфекта для выражения эвиденциальных значений [Comrie 1985; Forker 2018; Ферхеес 2019].

Одна из языковых семей, в которых распространен эвиденциальный перфект, — это тюркская языковая семья. Пример (1) из мишарского диалекта татарского языка¹ демонстрирует наличие у показателя перфекта *-kan* эвиденциальной интерпретации (инферентивной в (1a), т. е. свидетельствующей о том, что ассерция предложения — результат рассуждения говорящего; репортативной в (1b), т. е. свидетельствующей о том, что ассерция предложения — это то, что было сообщено говорящему третьим лицом).

(1) *daut alsu-nx jarat-kan.*

Даут Алсу-АСС любить-PFCT

a. 'Я вижу, что Даут влюбился в Алсу'.

b. 'Мне сказали, что Даут влюбился в Алсу' [Татевосов и др. 2017: 12].

В настоящей статье обсуждается эвиденциальный перфект, а точнее его отсутствие и его остаток в виде эвиденциальной частицы, в терском диалекте кумыкского языка, данные которого были собраны нами в результате полевой работы в августе 2022 г. в селе Предгорное Моздокского района республики Северная Осетия — Алания (Российская Федерация). Кумыкский язык принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков. Терский диалект выделяется в исследованиях, посвященных кумыкскому языку, начиная с [Керимов 1967а; 1967б], согласно историографии, представленной в [Гаджихмедов 2020]. Отметим, что ряд работ (см. [Гусейнов 2018; 2021]) называет говор кумыкского языка, на котором говорят в селе Предгорное, кизлярским говором терского диалекта кумыкского языка. Тем не менее в этой статье мы будем относить полученные нами данные к терскому диалекту кумыкского языка, оставляя для будущих исследований сравнение полевых данных, собранных в селе Предгорное, с говорами других населенных пунктов, относящихся к ареалу терского диалекта кумыкского языка.

В работе делаются следующие утверждения: во-первых, показатель перфекта в терском диалекте не несет дополнительных эвиденциальных значений, в отличие от ряда других тюркских языков (данные которых будут обсуждаться в разделе 2). Также важно отметить, что наши полевые данные не соответствуют существующим работам о литературном кумыкском, характеризующим перфект как обладающий модальными и «заглазными» интерпретациями.

Во-вторых, мы обсуждаем семантику частицы *экен*/=*мке*(н) в терском диалекте кумыкского языка и показываем, что она вносит в предложение эвиденциальную семантику (схожая частица присутствует и в ногайском языке, см. [Баскаков 1940; Ферхеес 2019]). Также мы документируем семантический вклад частицы в вопросах, дополняя имеющуюся типологию взаимодействия вопросов и эвиденциальных показателей [San Roque et al. 2017; Murray 2021].

Наконец, мы предлагаем гипотезу, согласно которой эта частица восходит к форме перфекта вспомогательного глагола *э-*. Это может свидетельствовать о том, что свойственный тюркским языкам эвиденциальный перфект хоть и не сохранился в терском кумыкском в полной мере, все еще присутствует в языке в виде эвиденциальной частицы. Мы также замечаем, что в родственном кумыкскому ногайском языке показатель *экен* — часть глагольной словоформы (т. к. он находится левее показателей согласования в словоформе, см. [Баскаков 1940]), что является косвенным подтверждением нашего предположения о глагольном происхождении показателя *экен* в терском диалекте кумыкского языка.

Структура статьи следующая: в разделе 2 мы обсуждаем теоретические подходы к исследованию эвиденциальности и рассматриваем ряд известных примеров эвиденциального перфекта в тюркских языках. Раздел 3 посвящен собранным в рамках полевой работы данным терского диалекта кумыкского языка — отсутствию у перфекта эвиденциальных интерпретаций и характеристике эвиденциальной семантики частицы *экен*/=*мкен*, а также нашей гипотезе о происхождении этой частицы. Раздел 4 — заключение.

¹ Здесь и далее языковые примеры из литературы приводятся со ссылкой на работу и указанием страницы, содержащей цитируемый пример.

2. Эвиденциальность и эвиденциальный перфект

2.1. Классификация эвиденциальности в языках мира

Эвиденциальность — грамматическая категория, которая маркирует источник информации, лежащий в основе высказывания [Aikhenvald 2018: 1]. Семантическая зона эвиденциальности делится на прямую и косвенную засвидетельствованность (здесь мы опираемся на рис. 1.1 из [Ферхеес 2019]). К семантической зоне прямой засвидетельствованности относится личное участие в ситуации и чувственное восприятие ситуации (с помощью слуха или зрения). Косвенная засвидетельствованность бывает двух типов: инферентив (умозаключение) и репортатив (информация с чужих слов).

В языках мира встречаются грамматикализованные показатели для всех вышеупомянутых типов эвиденциальных значений. Например, в языке тариана (< аравакские) имеются показатели для зрительной прямой засвидетельствованности (2a), слуховой прямой засвидетельствованности (2b), инферентивной косвенной засвидетельствованности (2c) и репортативной косвенной засвидетельствованности (2d). В языке тариана эвиденциальность обязательно маркируется на глаголе с помощью показателя, одновременно выражающего значения времени и эвиденциальности [Aikhenvald 2004: 2].

(2) Примеры грамматических показателей из эвиденциальной семантической зоны в языке тариана [ibid.]:

- a. *Juse irida di-manika-ka.*
Хосе футбол 3SGNF-играть-REC.P.VIS
'Хосе играл в футбол (мы это видели)'.
- b. *Juse irida di-manika-mahka.*
Хосе футбол 3SGNF-играть-REC.P.NONVIS
'Хосе играл в футбол (мы это слышали)'.
- c. *Juse irida di-manika-nihka.*
Хосе футбол 3SGNF-играть-REC.P.INFR
'Хосе играл в футбол (мы додумались до этого)'.
- d. *Juse irida di-manika-pidaka.*
Хосе футбол 3SGNF-играть-REC.P.REP
'Хосе играл в футбол (нам это сказали)'.

Язык тариана — пример грамматической системы, в которой для видо-временной граммемы имеются варианты в зависимости от эвиденциальных характеристик речевой ситуации. Встречаются, однако, и такие грамматические системы, где отдельный видо-временной показатель развивает семантические ограничения эвиденциальной природы на свою дистрибуцию, — в северокавказском ареале, а также в тюркской языковой семье таковым показателем нередко является перфект [Ферхеес 2019]. Прежде чем перейти к обсуждению данных терского диалекта кумыкского языка, в следующем подразделе мы обсудим эвиденциальный перфект в тюркских языках.

2.2. Эвиденциальный перфект в тюркских языках

В настоящем исследовании мы не придерживаемся однозначного мнения по сложнейшему вопросу типологически корректного определения перфекта (см. обсуждение в работах [Comrie 1985; Dahl 1985; Плунгян 2016; Bertrand et al. 2022] и многих других) и ограничимся тем, что будем называть перфектом формы, которые а) называются так в имеющихся языковых описаниях; б) обладают семантикой результата [Nedjalkov 1988]. Более точно: в обсуждаемых нами языках (в основном мы затрагиваем хорошо изученный мишарский диалект татарского языка, а также ряд кыпчакских языков: ногайский, кумыкский и изучаемый нами диалект кумыкского) такой формой является форма на *-GAn* (*-ган*, *-ген*, *-кен* и другие варианты, встречающиеся в тюркских языках).

Показатель перфекта во многих тюркских языках обладает не только аспектуальными значениями, принадлежащими к перфективной зоне, но и эвиденциальными. Рассмотрим примеры из мишарского диалекта татарского языка [Татевосов и др. 2017; Татевосов 2019]. Пара примеров в (3)—(4) демонстрирует, что, в отличие от простого прошедшего *-dI*, перфект на *-GAn* в мишарском диалекте татарского языка несовместим с контекстом, задающим прямую засвидетельствованность.

(3) *zinnur jxkl-a-dr.*

Зиннур спать-ST-PST
'Зиннур спал'.

a. Я видел его спящим.

b. Мне рассказали об этом [Татевосов и др. 2017: 125].

(4) *zinnur jɔkl-a-gan*

Зиннур спать-ST-PFCT

‘Зиннур (по)спал’.

a. *Я видел его спящим.

b. Мне рассказали об этом [там же].

Косвенную же засвидетельствованность показатель *-GAn* в мишарском диалекте татарского языка может выражать любую — например, предложение в (5) может иметь как инферентивную (говорящий увидел Даута с топором и сделал вывод, что Даут взял топор), так и репортативную интерпретацию (говорящему рассказали, что Даут взял топор).

(5) {Контекст а: говорящий встретил друзей, которые сказали ему, что Даут взял топор.}

{Контекст b: говорящий некоторое время ищет топор, а затем видит Даута с топором в руке.}

daut balta-nɔ al-gan.

Даут топор-ACC любить-PFCT

a. Мне сказали, что Даут взял топор.

b. Я вижу, Даут взял топор [Татевосов и др. 2017: 127].

Как сообщается в обзорной работе [Johanson 2003], показатель перфекта *-GAn* используется для указания на не прямой источник информации в татарском, башкирском, казахском, уйгурском, узбекском и туркменском языках. Такой же показатель несет в себе эвиденциальные значения и в алтайском, см. [Скрибник, Озонава 2005]. Показатель перфекта в якутском языке *-быт* хоть и отличен от более распространенного в тюркской языковой семье *-GAn*, также используется для передачи значения косвенной засвидетельствованности, см. [Ефремов 2011; Бажуков, Симонова 2022].

Рассмотрим эвиденциальный перфект в близком родственнике кумыкского языка — ногойском, основываясь на грамматике [Баскаков 1940]. Н. А. Баскаков сообщает, что форма так называемого II вида может обозначать суждение о действии, совершение которого известно говорящему не от действующего лица, а из другого источника. Понятно, что если переводить эту характеристику на язык, более соответствующий современной терминологии, то мы имеем дело с семантикой репортативной эвиденциальности. Морфологически же II вид выглядит как слияние (с выпадением ряда сегментов) деепричастия на *-A/-j*, показателя *-ды/-дыр*, формы *екен* и личного местоимения.

(6) *сен бара-м-эке-син*

2SG идти-Q-EVID-2SG

‘Говорят, ты едешь?’ [там же: 96]

Заметим при этом, что Н. А. Баскаков не приводит никаких ограничений употребления формы перфекта на *-GAn* относительно засвидетельствованности и указывает интерпретацию исключительно как констатацию «прошедшего действия, факт совершения имеется на лицо» [там же: 108—109]. Чтобы добавить интерпретацию «совершения действия, которое совершилось или вне памяти или воли говорящего (1 лицо), или вне наблюдения его, когда говорящий знал о совершении действия не от действующего лица, а из других источников» [там же: 109—110], необходимо использовать форму II вида в сочетании с глагольной формой на *-GAn*, что свидетельствует о том, что эвиденциальный перфект в ногойском сохранился исключительно в форме на *-GAn* вспомогательного глагола (форма *екен*). Обратим внимание, что схожими свойствами обладает показатель *екен* в казахском и узбекском языках, также принадлежащих к кыпчакской группе тюркских языков [Straughn 2011].

В следующем разделе мы рассмотрим полевые данные терского диалекта кумыкского языка относительно а) наличия у глагольной перфектной формы на *-GAn* эвиденциальных компонентов значения; б) способов выражения не прямой эвиденциальности, отличных от глагольной перфектной формы на *-GAn*.

3. Перфект и эвиденциальность в терском диалекте кумыкского языка

3.1. О сборе полевых данных и их представлении

Как уже говорилось выше, данные терского диалекта кумыкского языка были собраны авторами во время полевой работы в селе Предгорное (Моздокский район республики Северная Осетия — Алания, РФ) в августе 2022 г. Работа велась с 11 жителями села в возрасте от 15 до 60 лет — носителями терского диалекта кумыкского языка, использующими его в повседневной жизни.

Методология исследования — элициация по анкете, составленной авторами с учетом специфики различных эвиденциальных значений, а также частично основанной на анкете для элициации перфек-

тивных форм, приведенной в работе [Dahl 1985]. Следуя принятому в мировой практике исследований семантических явлений в рамках полевой работы методу эликации (см. [Matthewson 2004; Bochnak, Matthewson 2015; 2020]), а также отечественной традиции полевых исследований (см. [Кибрик 1972]), основными в этой работе являются суждения о приемлемости сконструированных предложений на терском диалекте кумыкского языка в заданном устно контексте, который озвучивался на русском языке — общем для авторов и носителей терского диалекта кумыкского языка. Данные собирались в процессе 45-минутных занятий, причем суждения о каждом из примеров перепроверялись не только на нескольких носителях (обычно трех или более), но и на одном и том же в разные дни.

Морфологическое членение представленных примеров основано на имеющейся грамматике литературного кумыкского языка (где это допустимо). Важно, что в процессе коллективной полевой работы (в рамках экспедиции отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ) был обнаружен ряд фонетических и морфонологических несоответствий изучаемого диалекта с литературным (см. также статьи [Гусейнов 2018; 2021], посвященные некоторым фонетическим особенностям терского диалекта). Они будут упомянуты при появлении в языковом примере (как будет видно ниже, один из вариантов рассматриваемой частицы *экен* выглядит как *=мкен*, чего не наблюдается в литературном кумыкском).

Представление данных устроено следующим образом: если перед примером ничего не стоит, то это приемлемое предложение для опрошенных носителей. Если стоит звездочка (*), то это предложение неприемлемо для опрошенных носителей ни в каком контексте. Если перед левым или правым контекстом стоит решетка (#), то это значит, что указанное предложение недопустимо в заданном контексте, согласно опрошенным носителям.

3.2. Эвиденциальные свойства перфекта в кумыкском языке

В грамматике литературного кумыкского языка [Гаджихмедов и др. 2014] выделяется несколько значений перфекта на *-гъан/-ген-*. Во-первых, указывается констатация факта совершения действия без уточнения времени, как в примере (7), в котором говорящий лишь сообщает, что когда-то был в Москве.

- (7) *мен Москва-да бол-гъан-ман.*
я Москва-LOC быть-PFCT-1SG
'Я бывал в Москве' [там же: 319].

Во-вторых, приводится значение обозначения результата действия, вытекающего из опыта субъекта действия (в типологической терминологии это значение принято называть экспериентивным), как в примере (8).

- (8) *мен гёр-ген-мен хыйлы-хыйлы ерле-ни, гёр-ме-ген-мен биздей языкъ эр-ле-ни.*
я видеть-PFCT-1SG много-много место-ACC видеть-NEG-PFCT-1SG такой бедняк мужчина-PL-ACC
'Я видел много разных мест, но не видел таких несчастных мужчин, как мы' [там же: 319].

Также в упомянутой работе дается значение обозначения прошлого действия, результат которого наличествует в момент речи (в типологической терминологии это значение принято называть результативным), как в примере (9).

- (9) *бил-ме кыйыин: кёк-ню булут къапла-гъан.*
знать-NEG трудно небо-ACC облако покрывать-PFCT
'Трудно определить: небо покрыто тучами' [там же: 320].

Кроме того, в [Гаджихмедов и др. 2014], что актуально для темы нашего исследования, говорится, что во 2-м и 3-м лице прошедшее перфектное время выражает модальное значение неочевидности, «заглазности» действия и употребляется тогда, когда говорящий сам не является свидетелем его совершения (вероятно, это указывает на различные типы эвиденциального значения). Пример (10) иллюстрирует употребление перфекта в ситуации, когда говорящий судит о действии со слов других, что, используя другую терминологию, подтверждает наличие репортативного значения у перфекта, подвида значения косвенной засвидетельствованности.

- (10) *ма-гъа айт-ды-лар: кагъыз-ны сен яз-гъан-сан.*
я-DAT говорить-PST-3PL бумага-ACC ты писать-PFCT-2SG
'Мне сказали: письмо написал ты' [там же: 320].

Пример (11) показывает употребление перфекта в ситуации, когда говорящий судит о действии по его видимому результату или признаку. Иными словами, этот пример демонстрирует инферентивную интерпретацию перфекта в литературном кумыкском.

- (11) *се-ни хаты-нг чы, кагъыз-ны сен яз-гъан-сан.*
 ты-GEN почерк-POSS.2SG PTCL бумага-ACC ты писать-PFCT-2SG
 ‘Твой же почерк, письмо написал ты’ [там же].

Заметим, однако, что сочетаемости с контекстом, задающим непрямую засвидетельствованность, репортативную или инферентивную, самой по себе недостаточно, чтобы утверждать наличие у перфекта эвиденциального значения. Об этом может свидетельствовать только неприемлемость перфекта в контекстах без не прямой засвидетельствованности. Если же перфект допустим в контекстах с какой угодно эвиденциальной спецификацией, вряд ли можно делать вывод о наличии у него эвиденциального компонента значения.

Именно такую картину мы наблюдаем и в наших полевых данных терского диалекта кумыкского языка. Перфект может сочетаться с контекстами зрительной прямой засвидетельствованности (12a), слуховой прямой засвидетельствованности (12b), репортативной косвенной засвидетельствованности (12c) и инферентивной косвенной засвидетельствованности (12d).

- (12) {Вопрос: Куда подевался Керим?}
о Кизляр-гъа гет-ген.
 он Кизляр-DAT уйти-PFCT
 ‘Он уехал в Кизляр’.
 a. {Говорящий видел, как Керим сел в машину и поехал по дороге в сторону Кизляра.}
 b. {Говорящий слышал, как Керим заводил машину и удалялся в сторону Кизляра.}
 c. {Говорящему сказали, что Керим уехал в Кизляр.}
 d. {Говорящий понял это, потому что Керим надел рабочую куртку, а он работает в Кизляре.}

То же самое демонстрирует и пример (13), который сочетается как с контекстами прямой (13a—b), так и косвенной засвидетельствованности (13c—d). Примеры (12) и (13), таким образом, подтверждают отсутствие каких-либо ограничений эвиденциальной природы на дистрибуцию формы на *-GAn* в терском диалекте кумыкского языка.

- (13) {Вопрос: Что случилось?}
Алим де Керим-мне ури-гъан-лар.
 Алим и Керим-СОМ ругаться-PFCT-3PL
 ‘Алим с Керимом поругались.’
 a. {Говорящий видел, как они ругаются.}
 b. {Говорящий слышал, как они ругаются.}
 c. {Говорящему сказали, что они поругались.}
 d. {Говорящий понял это, потому что они перестали разговаривать друг с другом.}

Наше рассуждение, правда, ограничено в свете замечания из работы [Ферхеес 2019], верного для некоторых нахско-дагестанских языков (багвалинского, агульского), в которых значение перфекта и значение косвенной засвидетельствованности могут сочетаться в одной и той же форме — причем эта форма используется и в «собственно перфектном» значении без эвиденциальных ограничений, и как «заглазное прошедшее» (в том числе в нарративах) — без значения текущей релевантности. Следовательно, для доказательства утверждения об отсутствии у перфекта в терском диалекте кумыкского языка эвиденциальных интерпретаций необходимо также изучить, какие конструкции предпочитают носителями в контекстах (не)прямой эвиденциальности: если носители выбирают не голую форму перфекта, а иную конструкцию, то замечание из [там же] не подходит к рассматриваемым нами данным.

Действительно, в терском диалекте кумыкского языка имеется специализированная частица для передачи эвиденциального значения, предпочитаемая носителями в контекстах косвенной засвидетельствованности (см. раздел 3.3), — частица *экен*, также выступающая в собранных нами данных в виде *=мкен* (как клитика) и *=мке* (как клитика), как в примере (14). В настоящее время мы предполагаем свободное варьирование имеющихся вариантов, в том числе потому, что сами носители свободно употребляют все три варианта в одинаковых контекстах, — пока нам не удавалось получить суждения, подтверждающие неприемлемость в каком-либо предложении одного из вариантов, но не других. В тексте для удобства и ясности сравнения с родственными языками мы будем называть эту частицу *экен*, но просим читателя держать в голове упомянутые факты о варьировании ее алломорфов.

- (14) *о гет-ген=мке.*
 он уйти-PFCT=EVD.PTCL
 ‘Кажется, он ушел’.
 {Его вещей нет в коридоре.}

Такого рода эффекты отмечал для терского диалекта еще И. А. Керимов, «модальное слово *экэн* сливается с предыдущим словом, и при этом выпадает его начальный гласный *э*, а конечный его согласный не всегда произносится; ср. *айтхъанкэ(н)* (лит. *айтхъанкэн*) “оказывается, он сказал” и др. В свою очередь, если *экэн* присоединяется к словам с вопросительными аффиксами *-мы?* *-ми?* и если перед этими аффиксами имеются гласные звуки, то вместе с начальным гласным слова *экэн* выпадает и конечный гласный звук вопросительного аффикса: *алдымкэ(н)?* (лит. *алдымыкэн?*) — “взял ли он?”, *хъойдымкэн?* (лит. *хъойдумукэн?*) — “оставил ли он?”, *гэлдимкэ(н)?* (лит. *гэлдимикэн?*) — “пришел ли он?” и др.» [Керимов 1967б: 112].

Некоторая сложность, однако, состоит в том, что в наших полевых данных вариант *=мке(н)* встречается не только в конструкциях общего вопроса (где — ожидаемо — встречается вопросительный показатель *-мы/-ми*), но и в утвердительных конструкциях (см. (15) и др.), а также в конструкциях с вопросительным словом (см. (25) и др.), в которых показателя *-мы/-ми* мы не ожидаем. Более того, были собраны примеры, в которых можно выделить показатель *-мы/-ми* отдельно от *=мкен* (см. (27а)). Таким образом, могло иметь место переразложение вопросительных форм с *экен*, приведшее к распространению формы *=мкен* как варианта *экен* в рассматриваемом нами говоре.

Оставляя за рамками вопрос вариативности произнесения обсуждаемого показателя (и регулирующих ее факторов), перейдем к описанию его грамматического поведения.

3.3. Частица *экен* в терском диалекте кумыкского языка

3.3.1. Морфологический и фонологический статус показателя *экен*

Во-первых, следует установить морфологический статус показателя *экен*, а именно: *экен* в терском диалекте кумыкского языка — это частица, а не морфологический компонент сложной глагольной формы, каковой она является в родственном ногайском языке [Баскаков 1940]. Об этом свидетельствует тот факт, что *экен* идет после согласовательных аффиксов, см. пример (15):

- (15) *Алим де Керим-мне уруш-гъан-лар=мкен.*
 Алим и Керим-COM ругаться-PFCT-3PL=EVD.PTCL
 ‘Кажется, Алим и Керим поругались’.

Отметим также, что порядок морфем, в котором частица *экен* располагается до согласовательных аффиксов, считается неприемлемым опрошенными носителями терского диалекта кумыкского языка (см. (16))². Поскольку форма *экен* не может принимать на себя глагольную словоизменительную (т. е. согласовательную) морфологию (что показывает неприемлемость (16b)), мы делаем вывод: *экен* является частицей на современной стадии развития терского диалекта кумыкского языка, т. к. других случаев, в которых согласовательные аффиксы находились бы на вспомогательном глаголе вместо лексического, не обнаружилось.

- (16) а. *мен яр-гъа мин-ген-мен=мкен?*
 я гора-DAT подняться-PFCT-1SG=EVD.PTCL
 ‘Я в гору поднялся, что ли?’
 б. **мен яр-гъа мин-ген=мкен-мен.*
 я гора-DAT подняться-PFCT=EVD.PTCL-1SG

С морфологической точки зрения частица *экен*, вероятнее всего, действительно сводима к форме перфекта вспомогательного глагола *э-* (*-кен* представляет собой преобразованный тюркский перфект *-GAn*, в работе [Johanson 2003] указывается **erken* как праформа для подобных *экен*-выражений в тюркских языках).

² Вопросительность в переводе предложения (16а) мы связываем с прагматической странностью высказывания: косвенная эвиденциальность в целом сложно сочетаема с событием, участником которого был говорящий, и требует удивления говорящего, вызванного, например, пробелом в памяти.

3.3.2. Частица *экен* как показатель инферентивной эвиденциальности

Покажем, что семантика изучаемой частицы на самом деле характеризуется как эвиденциальная в грамматической системе терского диалекта кумыкского языка. В уже упоминавшейся грамматике [Гаджихмедов 2014 и др.: 394] значение данной частицы определяется как модальное, а ее перевод с помощью слова «оказывается» (см. (17)) говорит о сближении с показателем миратива, выражающим удивление говорящего от внезапно установленного им факта (эпистемическая неожиданность); полученное знание контрастирует с предыдущим состоянием незнания [Плунгян 2011: 331].

- (17) *ол юзюм бав-лар-да къаравулчу экен.*
он виноград сад-PL-LOC караульная служба EVD.PTCL
‘Он, оказывается, работает сторожем на виноградниках’.

Формально миративное значение можно описать следующим образом: знания говорящего совместимы с предложением *p*, однако совокупность составляющих их пропозиций делает истинность *p* маловероятной [Татевосов и др. 2017: 135]. Как видно из примера (18), частица *экен* в кумыкском языке необязательно указывает на маловероятность описываемой ситуации — утверждение с частицей *экен* можно продолжить предложением со значением «я не удивлен», это однозначно свидетельствует о том, что сообщаемая ситуация не являлась для говорящего обязательно неожиданной.

- (18) *Керим де Алим де шорпа бишир-ге-лер=мке; мен тамаша бол-ма-ды-м.*
К. ADD A. ADD суп варить-PFCT-3PL=EVD.PTCL 1SG удивленный быть-NEG-PST-1SG
‘Керим и Алим сварили суп. Я не удивлен’.

В обновленной версии монографии [Гаджихмедов 2022: 89] автор отказывается от термина «заглазность» и отмечает, что в подобных конструкциях «модально-временная конструкция *гъан экен* выражает действие, в достоверности которого говорящий некоторое время сомневался и лишь незадолго до момента речи убедился в его достоверности»:

- (19) *Амма Абдулкъадир дав-да оьлген экен.*
однако Абдулкадир война-LOC умереть-PFCT EVD.PTCL
‘Однако Абдулкадир умер во время войны’.

При этом семантика показателя *мкен* в терском диалекте кумыкского языка не может быть охарактеризована в подобном ключе. Предполагая, однако, что обсуждаемая частица все-таки имеет эвиденциальную интерпретацию, рассмотрим ее поведение в контекстах, задающих разные типы засвидетельствованности. Пример (20b) демонстрирует, что частица *экен* неприемлема для носителей в контексте прямой засвидетельствованности, — делая суждение на основании того, что говорящий видел/слышал, он не может употребить частицу *экен*. При этом контексты косвенной засвидетельствованности оцениваются носителями как совместимые с предложением в примере (20), см. (20a).

- (20) *Алим де Керим-мне уруш-гъан-лар=мкен.*
Алим и Керим-СОМ ругаться-PFCT-3PL=EVD.PTCL
‘Алим и Керим поругались, видимо’.
a. {Говорящий видит, что Алим с Керимом избегают друг друга или замечает на них следы драки: синяки и проч.}
b. {#Говорящий видел и/или слышал, как они ругались.}

Дополнительным указанием на статус косвенной засвидетельствованности как компонента значения частицы *экен* является тот факт, что употребление этой частицы (когда субъект клаузы — местоимение 1-го лица) требует особого прагматического контекста, задающего, что говорящий был не в себе во время описываемого события и/или не помнит произошедшее. Что ожидаемо: событие, в котором говорящий был участником, вполне естественно попадает в класс контекстов прямой засвидетельствованности, а характеристика такого события как засвидетельствованного косвенно требует непростых прагматических условий.

- (21) *Мен яр-гъа мин-ген-мен=мкен.*
я гора-DAT подняться-PFCT-1SG=EVD.PTCL
a. {#Говорящий сообщает, что поднялся в гору во время прогулки.}
b. {Говорящий ходит во сне, проснулся весь в пыли: ‘Я в гору поднялся, что ли?’}

Таким образом, мы можем определить статус частицы *экен* как показателя косвенной эвиденциальности. Теперь необходимо установить, какой тип косвенной засвидетельствованности характерен для данной частицы — репортативный, инферентивный или же и тот и другой. Пример (22) показывает, что перед нами не репортативная частица, т. к. ее использование недопустимо в ситуациях, когда говорящий узнает о произошедшем событии от других людей.

(22) *Алим-мне Керим-мне шурпа эт-ген=мкен?*

Алим-СОМ Керим-СОМ суп делать-PFCT=EVD.PTCL

‘Алим с Керимом суп приготовили, что ли?’

a. {Говорящий понял это по косвенным признакам.}

b. {#Говорящему рассказали о том, что Алим с Керимом приготовили суп.}

Также свидетельством, подтверждающим статус частицы как инферентивной, может считаться несочетаемость *экен* с контекстами, в которых говорящий обладает знанием/уверенностью об истинности сообщаемой пропозиции. Как видно из примера (23), предложение с показателем *экен* не может быть продолжено клаузой «я это знаю» (*мен оны билемен*). Заметим, что и русский перевод является прагматически странным — такого рода выражения, как вводное слово *кажется* в русском, и показатели инферентивной эвиденциальности несовместимы с уверенностью говорящего в истинности сообщаемой пропозиции. В связи с этим необходимо отметить, что пример был предоставлен информантам на кумыкском языке (согласно описанной методологии), а следовательно, неприемлемость русского перевода не могла играть роль в суждениях носителей о неприемлемости этого предложения на кумыкском языке.

(23) *Керим сют-ню ич-кен=мке, #мен оны бил-е-мен.*

К. молоко-ACC съесть-PFCT=EVD.PTCL 1SG 3SG.ACC знать-IPFV-1SG

‘Кажется, Керим выпил молоко. Я это знаю’.

Таким образом, мы можем однозначно установить эвиденциальный статус частицы *экен* в кумыкском языке: перед нами инферентивная частица, которая подразумевает узнавание о ситуации по косвенным признакам, результатам произошедшего события.

3.3.3. Семантика частицы *экен* в вопросительных предложениях

Если рассматриваемый нами показатель характеризуется как инферентивная эвиденциальная частица, встает вопрос о ее семантическом поведении в вопросительных конструкциях, поскольку взаимодействие семантики инферентивной эвиденциальности и вопросительных операторов — параметр межкультурного варьирования [San Roque et al. 2017; Murray 2021], документировать который мы считаем необходимым и важным для дальнейших исследований эвиденциальности как в тюркских языках, так и в типологической перспективе. Так, турецкий показатель *-mİş*, обладающий семантикой инферентивной эвиденциальности [Meriçli 2016], в вопросах означает, что вывод из своих представлений о мире делает слушающий, отвечая на вопрос, см., например:

(24) Турецкий показатель *-mİş* [Korotkova 2020: 3]:

a. *bura-da nane yetişi-yor-muş.*

здесь-LOC мята расти-IPFV-INFER.EVID

‘По моим представлениям о мире, здесь растет мята’.

b. *bura-da nane yetişi-yor mu-y-muş?*

здесь-LOC мята расти-IPFV Q-COP-INFER.EVID

‘По твоим представлениям о мире, растет ли здесь мята?’

Однако не все показатели с семантикой инферентивной эвиденциальности ведут себя схожим образом: в работе [Littell et al. 2010] говорится, что в языке лиллуэт инферентивная частица *=k'a* образует в вопросах такой тип вопроса, который авторы называют гипотетическим (conjectural) вопросом, — характеризуется данный речевой акт а) отсутствием у говорящего знания ответа на вопрос (что роднит гипотетические вопросы с обычными); б) отсутствием у говорящего ожидания ответа на вопрос со стороны слушающего (что, наоборот, отличает гипотетические вопросы от обычных). Как отмечено в той же работе, подобные интерпретации удачно переводятся конструкциями типа «I wonder, ...», что в переводе на русский может звучать как «интересно, а ...» — и английская, и русская вопросительные конструкции характеризуются такими же прагматическими ограничениями на употребление. Пример интерпретации гипотетического вопроса дан в предложении в (25b), демонстрирующем взаимодействие инферентивного показателя *=k'a* с вопросительной конструкцией.

(25) Показатель $=k'a$ в языке лиллут [ibid.: 89]:

- a. $lán=k'a$ $kwán-ens-as$ $ní=n-s-mets-cál=a$.
уже-INFER,EVID взять-DIR-3.ERG DET.ABS=1sg.POSS-NOM=write-ACT=EXIS
'По моим представлениям о мире, она уже получила письмо'.
- b. $lan=as=há=k'a$ $kwán-ens-as$ $ní=n-s-mets-cál=a?$
already=3.SBJN=YNQ=INFER take-DIR-3.ERG DET.ABS=1sg.POSS-NOM=write-ACT=EXIS
'Интересно, а получила ли она уже мое письмо?'

В свете такой вариативности нашей главной находкой является следующее наблюдение: показатель *экен* в терском диалекте кумыкского языка скорее ведет себя как показатель $=k'a$ в языке лиллут, чем показатель $-mI\zeta$ в родственном кумыкскому турецком языке, — в вопросительных предложениях *экен* представляет собой маркер гипотетического вопроса, а не маркер источника информации у адресата вопросительного речевого акта. Наша аргументация основывается на двух типах контекстов: 1) в которых показатель *экен* неприемлем в вопросе и 2) в которых он обязателен. Обобщим: контексты неприемлемости *экен* в вопросах несовместимы со свойством (б) гипотетических вопросов (требованием отсутствия ожидания ответа на вопрос со стороны адресата), а контексты обязательности *экен* в вопросах, наоборот, характеризуются невозможностью ожидания ответа на вопрос со стороны адресата.

Рассмотрим контексты, в которых показатель *экен* неприемлем при вопросе. Согласно суждениям носителей, *экен* в (26) прагматически невозможен в том случае, когда вопрос направлен к продавцу, но допустим, например, при разговоре с другом. Этот факт свидетельствует о том, что *экен* неприемлем в тех контекстах, в которых адресат речевого акта считается говорящим обладающим нужным знанием (= в которых говорящий ожидает ответа от слушающего).

- (26) *Сют-ню баха-сы нечик=мкен?*
молоко-GEN цена-3 какой=EVD.PTCL
'Какая цена у молока?' (# при обращении к кассиру, ОК при обращении к другу).

Аналогично в примере (27), демонстрирующем ситуацию знакомства: в ней вопрос «Как тебя зовут?» невозможно употребить с *экен* по той же причине — ожидается, что слушающий знает ответ на вопрос и сообщит его после произнесения вопроса.

- (27) *Сени аты-нг кимдюр(#=мке)?*
2SG.GEN имя-2 как=EVD.PTCL
'Как тебя зовут?'

Таким образом, мы установили, что *экен* неприемлем при вопросе, ответ на который необходим по прагматическим причинам (согласно заданному устно левому контексту). И наоборот, контексты, в которых ответ со стороны адресата невозможен, требуют показателя *экен* (именно он образует гипотетический вопрос). Так, ни собака (к которой направлен вопрос «Тебя бросили?»), ни очки (к которым направлен вопрос «Куда вы делись?») из примера (28) не являются адресатами, могущими дать ответ, — речевой акт вопроса, направленный к ним, не «прототипический» и совершенно точно не сопряжен с ожиданием говорящим ответа. И именно при таких речевых ситуациях употребление вопроса без показателя *экен* становится невозможным.

- (28) a. *Сен пакъыр-ны ташла-п къой-гъан-мы*(=мке)?*
ты бедный-GEN бросить-CVB оставить-PFCT-Q=EVD.PTCL
'Тебя бросили, бедняжка?' (обращение к бездомной собаке).
- b. *Сыз къайда гет-ди-гиз*(=мкен)?*
вы где идти-PST-2PL=EVD.PTCL
'Куда вы делись?' (обращение к потерявшимся очкам).

Следовательно, мы считаем, что собранные нами данные указывают на то, что инферентивный показатель *экен* образует гипотетические вопросы в терском диалекте кумыкского языка, это служит как дополнительной характеристикой семантики частицы *экен*, так и новым примером языка, в котором наблюдается такое поведение инферентивных эвиденциальных показателей. Подытоживая, мы должны также отметить, что в грамматике литературного кумыкского делается схожее утверждение про взаимодействие показателя *экен* с вопросительными предложениями: «Вопросительная форма с модальным словом *экен* употребляется в значении предположения *Къайтгъанмы экен* "Интересно, вернулся ли (он)?"» [Гаджихмедов и др. 2014: 321]. Проверку же наших обобщений на данных литературного кумыкского языка мы оставляем на будущее.

3.3.4. К диахронии частицы *экен* в перспективе диалектологии кумыкского языка

В конце раздела 3.3.1 мы уже указали, что частица *экен*, по всей видимости, связана с общетюркским вспомогательным глаголом, а точнее с его формой перфекта. Таким образом, можно сделать вывод, что свойственная северокавказскому ареалу [Chirikba 2008] тенденция развития у перфекта эвиденциальных компонентов значения сохранилась в терском диалекте кумыкского языка исключительно в форме частицы, развившейся, вероятно, из формы перфекта вспомогательного глагола. В уже упомянутой работе [Ферхеес 2019] обсуждается в том числе азербайджанский эвиденциальный показатель *-(u)mişi*, восходящий к форме глагола-связки с суффиксом перфекта, у которого отсутствует эвиденциальная семантика. История развития азербайджанского показателя во многом напоминает судьбу исследуемой кумыкской частицы: восходит к перфектной форме глагола-связки, при том что сам перфект в языке не эвиденциальный. Эта параллель интересна, т. к. наблюдается у другого тюркского языка, находящегося в тесном контакте с языками Кавказа, причем с другой стороны Кавказского ареала (к тому же показатели перфекта не когнатны, т. е. обсуждаемая параллель является функциональной).

Необходимо также упомянуть, что частицы вида *экен* ~ *ікан* встречаются во всех языках (и в древних, и в современных) тюркской группы как показатели модальной природы [Щербак 1987: 94]. Если рассматриваемый нами показатель восходит к общетюркскому языковому выражению, то эвиденциальное использование частицы, восходящей к перфекту вспомогательного глагола, — это едва ли некая инновация терского диалекта кумыкского языка. По всей видимости, в терском диалекте кумыкского языка засвидетельствован промежуточный путь развития *экен*: это уже не связанный с перфектом отдельный эвиденциальный показатель, но еще не интегрированный в глагольную словоформу аффикс глагольной семантической зоны (в отличие от иных близкородственных языков, в которых *экен* принимает на себя показатели согласования, см. [Баскаков 1940] о ногайском и [Гаджихмедов и др. 2014] о литературном кумыкском).

В связи с этим важно отметить, что фонетически усеченные варианты *экен*, употребляемые как частицы модального характера, засвидетельствованы и в других диалектах кумыкского языка. Так, в бораганском говоре кизлярского диалекта (локализуемом в нынешней Чечне) еще одним кумыкским диалектологом — Н. Х. Ольмесовым — фиксируется усеченное употребление модального слова *кэ* < *экен* < *эркэн* [Ольмесов 1997: 252].

4. Заключение

В настоящей работе, на основании полевых данных терского диалекта кумыкского языка, собранных в селе Предгорное (Моздокский район, республика Северная Осетия — Алания, РФ), мы частично рассмотрели систему эвиденциальности в терском диалекте кумыкского языка в сопоставлении с тем, что известно про эвиденциальный перфект в тюркских языках, со следующим выводом: в отличие от литературного кумыкского, перфектные формы в терском диалекте кумыкского языка не обладают эвиденциальными интерпретациями (о которых сообщается для литературного кумыкского в работе [Гаджихмедов и др. 2014]), в чем терской диалект кумыкского языка похож на ногайский язык (или, по крайней мере, рассматриваемые нами данные соотносятся с данными из работы [Баскаков 1940]).

Выражаются же эвиденциальные значения частицей *экен*, наиболее точная характеристика которой — инферентивная частица, допускающая узнавание по косвенным признакам, результатам произошедшего события. Как инферентивная частица, *экен* принадлежит к классу инферентивных эвиденциальных показателей, образующих гипотетические вопросы [Littell et al. 2010], что расширяет типологию взаимодействия вопросительных операторов и показателей эвиденциальности. С морфологической же точки зрения было замечено, что показатель *экен* менее интегрирован в глагольную словоформу терского диалекта кумыкского языка, чем схожий показатель в родственных языках (ногайском и литературном кумыкском), что, вкупе с тем, что известно о распространенных в тюркских языках частицах *экен* ~ *ікан*, указывает на «промежуточный» статус глагольной системы терского кумыкского языка: с одной стороны, перфект не обладает эвиденциальными интерпретациями, а с другой — полностью грамматикализованного показателя эвиденциальности еще не появилось.

Таким образом, эта работа дополняет внутрисемейную типологию эвиденциальности в тюркских и, в частности, кыпчакских языках, а также дополняет общую типологию взаимодействия непрямой эвиденциальности с вопросительными конструкциями.

Сокращения

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо
 ACC — аккумулятив
 COM — комитатив
 COMP — союз (комплементаризер)
 CVB — дееспричастие
 DAT — датив
 EVD.PTCL — эвиденциальная частица
 INFER — инферентивная эвиденциальность
 LOC — локатив
 NF — неженский род
 NEG — отрицание

NMN — номинализирующий аффикс
 NONVIS — незрительная прямая засвидетельствованность
 PFCT — перфект
 PL — множественное число
 POSS — посессивность
 PTCL — частица
 PST — прошедшее время
 Q — показатель общего вопроса
 REC.P — недавнее прошедшее
 SG — единственное число
 ST — статив
 VIS — зрительная прямая засвидетельствованность

Литература

- Баскаков 1940 — *Н. А. Баскаков*. Ногайский язык и его диалекты: грамматика, тексты и словарь. М.: Изд. АН СССР, 1940.
- Бажуков, Симонова 2022 — *М. О. Бажуков, Т. В. Симонова*. Заметки об эвиденциальности в якутском языке // Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб., 2022.
- Гаджихамедов 2022 — *Н. Э. Гаджихамедов*. Кумыкский глагол: функционально-семантическое исследование. Махачкала: Алеф, 2022.
- Гаджихамедов и др. 2014 — *Н. Э. Гаджихамедов, А. З. Абдуллаева, К. С. Кадыраджиев, И. А. Керимов, Н. Х. Ольмесов, Д. М. Хангишиев*. Современный кумыкский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.
- Гаджихамедов 2020 — *Т. И. Гаджихамедов*. История изучения диалектов кумыкского языка // Научный вестник Крыма. 2020, 2 (25).
- Гусейнов 2018 — *Г.-Р. А.-К. Гусейнов*. Лексические и некоторые фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в ареальном и историко-этимологическом контексте // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018, 33 (2). С. 84—89.
- Гусейнов 2021 — *Г.-Р. А.-К. Гусейнов*. Фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в сравнительно-историческом и ареальном контексте // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021, 3 (112). С. 18—24.
- Ефремов 2011 — *Н. Н. Ефремов*. Эвиденциальность в тюркских языках (на материале якутского языка) // Теория и практика общественного развития. 2011, 4. С. 329—331.
- Керимов 1967а — *И. А. Керимов*. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1967.
- Керимов 1967б — *И. А. Керимов*. Терский диалект // Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1967. С. 104—134.
- Кибрик 1972 — *А. Е. Кибрик*. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд. Московского университета, 1972.
- Ольмесов 1997 — *Н. Х. Ольмесов*. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997.
- Плунгян 2011 — *В. А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд. РГГУ, 2011.
- Плунгян 2016 — *В. А. Плунгян*. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016, 12 (2). С. 7—36.
- Скрибник, Озонова 2005 — *Е. К. Скрибник, А. А. Озонова*. Средства выражения засвидетельствованности и мимативности в алтайском языке // Н. Н. Широбокова (отв. ред.). Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск: ИД «Ника», 2005.
- Татевосов 2019 — *С. Г. Татевосов*. Эвиденциальность и абдукция // *Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика* (ред.). Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского. М.: Языки славянских культур, 2019. С. 463—495.
- Татевосов и др. 2017 — *С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов* (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М.: Буки Веди, 2017.
- Ферхеес 2019 — *Я. Х. Ферхеес*. Эвиденциальность как часть видо-временной системы глагола в нахско-дагестанских языках. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

- Щербак 1987 — *A. M. Щербак*. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1981.
- Aikhenvald 2004 — *A. Y. Aikhenvald*. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2018 — *A. Y. Aikhenvald* (ed.). The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Bertrand et al. 2022 — *A. Bertrand, Y. Aonuki, S. Chen, H. Davis, J. Gambarage, L. Griffin, M. Huijsmans, L. Matthewson, D. Reisinger, H. Rullman, R. Salles, M. D. Schwan, N. Todorović, B. Trotter, J. Vander Klok*. Nobody's perfect // *Languages*. 2022, 7 (2). P. 148—176.
- Bochnak, Matthewson 2015 — *M. R. Bochnak, L. Matthewson*. Methodologies in semantic fieldwork. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Bochnak, Matthewson 2020 — *M. R. Bochnak, L. Matthewson*. Techniques in complex semantic fieldwork // *Annual Review of Linguistics*. 2020, 6. P. 261—283.
- Bylinina et al. 2017 — *L. Bylinina, E. McCready, Y. Sudo*. Notes on perspective-sensitivity // *P. Arkadiev, I. Kapitonov, Y. Lander, E. Rakhilina, S. Tatevosov* (eds.). *Donum Semanticum*. Moscow, 2017. P. 67—79.
- Chirikba 2008 — *V. Chirikba*. The problem of the caucasian sprachbund // *P. Muysken* (ed.). *From linguistic areas to areal linguistics*, Vol. 90. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 25—94.
- Comrie 1985 — *B. Comrie*. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Dahl 1985 — *Ö. Dahl*. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Forker 2018 — *D. Forker*. Evidentiality in Nakh-Dagestanian languages // *A. Y. Aikhenvald* (ed.). The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 490—509.
- Johanson 2003 — *L. Johanson*. Evidentiality in Turkic // *A. Y. Aikhenvald* (ed.). *Studies in evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 273—290.
- Kibrik 1977 — *A. E. Kibrik*. The methodology of field investigations in linguistics: (Setting up the problem). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1977.
- Korotkova 2020 — *N. Korotkova*. Interrogative flip and indexical shift are distinct phenomena // *Snippets*. 2020. P. 3—5.
- Littell et al. 2010 — *P. Littell, L. Matthewson, T. Peterson*. On the semantics of conjectural questions // *T. Peterson, U. Sauerland* (eds.). *Evidence from evidentials*. University of British Columbia Working Papers in Linguistics. 2010, 28. P. 89—104.
- Matthewson 2004 — *L. Matthewson*. On the methodology of semantic fieldwork // *International journal of American linguistics*. 2004, 70 (4). P. 369—415.
- Meriçli 2016 — *B. S. Meriçli*. Modeling indirect evidence. Santa Cruz: UC Santa Cruz Press, 2016.
- Murray 2021 — *S. E. Murray*. Evidentiality, modality, and speech acts // *Annual Review of Linguistics*. 2021, 7. P. 213—233.
- Nedjalkov 1988 — *V. Nedjalkov*. Typology of Resultative Constructions. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. (English translation ed. by B. Comrie).
- San Roque et al. 2017 — *L. San Roque, S. Floyd, E. Norcliffe*. Evidentiality and interrogativity // *Lingua*. 2017, 186. P. 120—143.
- Straughn 2011 — *C. A. Straughn*. Evidentiality in Uzbek and Kazakh. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

References

- Aikhenvald 2004 — *A. Y. Aikhenvald*. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2018 — *A. Y. Aikhenvald* (ed.). The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Baskakov 1940 — *N. A. Baskakov*. Nogajskij yazyk i ego dialekty: grammatika, teksty i slovar'. Moskva: Izd. AN SSSR, 1940. {*N. A. Baskakov*. Nogai language and its dialects: grammar, texts and dictionary. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1940.}
- Bazhukov, Simonova 2022 — *M. O. Bazhukov, T. V. Simonova*. Zametki ob evidencialnosti v yakutskom yazyke. In: *Devyatnadczataya konferenciya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelej. Tezisy dokladov*. Sankt-Peterburg, 2022. {*M. O. Bazhukov, T. V. Simonova*. Notes on evidentiality in the Yakut language. In: *Nineteenth Conference on Typology and Grammar for Young Researchers. Abstracts*. St. Petersburg, 2022.}
- Bertrand et al. 2022 — *A. Bertrand, Y. Aonuki, S. Chen, H. Davis, J. Gambarage, L. Griffin, M. Huijsmans, L. Matthewson, D. Reisinger, H. Rullman, R. Salles, M. D. Schwan, N. Todorović, B. Trotter, J. Vander Klok*. Nobody's perfect. In: *Languages*. 2022, 7 (2). P. 148—176.
- Bochnak, Matthewson 2015 — *M. R. Bochnak, L. Matthewson*. Methodologies in semantic fieldwork. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Bochnak, Matthewson 2020 — *M. R. Bochnak, L. Matthewson*. Techniques in complex semantic fieldwork. In: *Annual Review of Linguistics*. 2020, 6. P. 261—283.

- Bylinina et al. 2017 — L. Bylinina, E. McCready, Y. Sudo. Notes on perspective-sensitivity. In: P. Arkadiev, I. Kapitov, Y. Lander, E. Rakhilina, S. Tatevosov (eds.). *Donum Semanticum*. Moscow, 2017. P. 67—79.
- Chirikba 2008 — V. Chirikba. The problem of the caucasian sprachbund. In: P. Muysken (ed.). *From linguistic areas to areal linguistics*. Vol. 90. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 25—94.
- Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Efremov 2011 — N. N. Efremov. Evidencial'nost' v tyurkskikh yazykakh (na materiale yakutskogo yazyka). In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2011, 4. S. 329—331. {N. N. Efremov. Evidentiality in Turkic languages (based on the material of the Yakut language). In: *Theory and practice of social development*. 2011, 4. P. 329—331.}
- Forker 2018 — D. Forker. Evidentiality in Nakh-Dagestanian languages. In: A. Y. Aikhenvald (ed.). *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 490—509.
- Gadziakhmedov i dr. 2014 — N. E. Gadziakhmedov, A. Z. Abdullaeva, K. S. Kadyradzhiev, I. A. Kerimov, N. Kh. Olmesov, D. M. Khangishiev. *Sovremennyy kumyjskiy yazyk*. Makhachkala: IYaLI DNCz RAN, 2014. {N. E. Gadziakhmedov, A. Z. Abdullaeva, K. S. Kadyradzhiev, I. A. Kerimov, N. Kh. Olmesov, D. M. Khangishiev. *Modern Kumyk language*. Makhachkala: IYaLI DNCz RAN, 2014.}
- Gadziakhmedov 2020 — T. I. Gadziakhmedov. Istoriya izucheniya dialektov kumyjskogo yazyka. In: *Nauchnyj vestnik Kryma*. 2020, 2 (25). {T. I. Gadziakhmedov. History of the study of dialects of the Kumyk language. In: *Scientific Bulletin of Crimea*. 2020, 2 (25).}
- Gadziakhmedov 2022 — N. E. Gadziakhmedov. Kumyjskiy glagol: funkcional'no-semanticheskoe issledovanie. Makhachkala: Alef, 2022. {N. E. Gadziakhmedov. *Kumyk verb: functional-semantic study*. Makhachkala: Alef, 2022.}
- Gusejnov 2018 — G.-R. A.-K. Gusejnov. Leksicheskie i nekotorye foneticheskie osobennosti kizlyarskogo govora terskogo dialekta kumyjskogo yazyka v areal'nom i istoriko-etimologicheskom kontekste. In: *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2018, 33 (2). S. 84—89. {G.-R. A.-K. Guseinov. Lexical and some phonetic features of the Kizlyar dialect of the Terek dialect of the Kumyk language in the areal and historical-etymological context. In: *Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2018, 33 (2). P. 84—89.}
- Gusejnov 2021 — G.-R. A.-K. Gusejnov. Foneticheskie osobennosti kizlyarskogo govora terskogo dialekta kumyjskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom i areal'nom kontekste. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. 2021, 3 (112). S. 18—24. {G.-R. A.-K. Guseinov. Phonetic features of the Kizlyar dialect of the Terek dialect of the Kumyk language in a comparative historical and areal context. In: *Bulletin of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University* 2021, 3 (112). P. 18—24.}
- Johanson 2003 — L. Johanson. Evidentiality in Turkic. In: A. Y. Aikhenvald (ed.). *Studies in evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 273—290.
- Kerimov 1967a — I. A. Kerimov. *Ocherki kumyjskoj dialektologii*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967. {I. A. Kerimov. *Essays on Kumyk dialectology*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967.}
- Kerimov 1967b — I. A. Kerimov. Terskiy dialekt. In: *Ocherki kumyjskoj dialektologii*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967. S. 104—134. {I. A. Kerimov. *Terek dialect*. In: *Essays on Kumyk dialectology*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967. P. 104—134.}
- Kibrik 1972 — A. E. Kibrik. *Metodika polevykh issledovanij (k postanovke problemy)*. Moskva: Izd. Moskovskogo universiteta, 1972. {A. E. Kibrik. *Methodology of field research (towards the formulation of the problem)*. Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta, 1972.}
- Kibrik 1977 — A. E. Kibrik. *The methodology of field investigations in linguistics: (Setting up the problem)*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1977.
- Korotkova 2020 — N. Korotkova. Interrogative flip and indexical shift are distinct phenomena. In: *Snippets*. 2020. P. 3—5.
- Littell et al. 2010 — P. Littell, L. Matthewson, T. Peterson. On the semantics of conjectural questions. In: T. Peterson, U. Sauerland (eds.). *Evidence from evidentials*. University of British Columbia Working Papers in Linguistics. 2010, 28. P. 89—104.
- Matthewson 2004 — L. Matthewson. On the methodology of semantic fieldwork. In: *International journal of American linguistics*. 2004, 70 (4). P. 369—415.
- Meriçli 2016 — B. S. Mericli. *Modeling indirect evidence*. Santa Cruz: UC Santa Cruz Press, 2016.
- Murray 2021 — S. E. Murray. Evidentiality, modality, and speech acts. In: *Annual Review of Linguistics*. 2021, 7. P. 213—233.
- Nedjalkov 1988 — V. Nedjalkov. *Typology of Resultative Constructions*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. (English translation ed. by B. Comrie).
- Olmesov 1997 — N. Kh. Olmesov. *Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie dialektnoj sistemy kumyjskogo yazyka*. Makhachkala: IPC DGU, 1997. {N. Kh. Olmesov. *Comparative historical study of the dialect system of the Kumyk language*. Makhachkala: IPC DGU, 1997.}

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moskva: Izd. RGGU, 2011. {V. A. Plungyan. Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. Moscow: Izd. RGGU, 2011.}

Plungyan 2016 — V. A. Plungyan. K tipologii perfekta v yazykakh mira: predislovie. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij. 2016, 12 (2). S. 7—36. {V. A. Plungyan. On the typology of the perfect in the languages of the world: preface. In: Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research. 2016, 12 (2). P. 7—36.}

San Roque et al. 2017 — L. San Roque, S. Floyd, E. Norcliffe. Evidentiality and interrogativity. In: Lingua. 2017, 186. P. 120—143.

Shcherbak 1987 — A. M. Shcherbak. Ocherki po sravnitel'noj morfologii tyurkskikh yazykov (Narechie, sluzhebnye chasti rechi, izobrazitel'nye slova). Leningrad: Nauka, 1981. {A. M. Shcherbak. Essays on the comparative morphology of Turkic languages (Adverb, Functional parts of speech, Figurative words). Leningrad: Nauka, 1981.}

Skribnik, Ozonova 2005 — E. K. Skribnik, A. A. Ozonova. Sredstva vyrazheniya zasvidetel'stvovannosti i mirativnosti v altajskom yazyke. In: N. N. Shirobokova (otv. red.) Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri. Novosibirsk: ID "Nika", 2005. {E. K. Skribnik, A. A. Ozonova. Means of expressing attestation and mirativity in the Altai language. In: N. N. Shirobokova (ed.). Ways of forming the linguistic landscape of Siberia. Novosibirsk: Izdatel'skij Dom "Nika", 2005.}

Straughn 2011 — C. A. Straughn. Evidentiality in Uzbek and Kazakh. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

Tatevosov 2019 — S. G. Tatevosov. Evidencial'nost' i abdukcija. In: D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika (red.). Sbornik statej k 85-letiju V. S. Khrakovskogo. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2019. S. 463—495. {S. G. Tatevosov. Evidentiality and abduction. In: D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika (eds.). Collection of articles for the 85th anniversary of V. S. Khrakovsky. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2019. P. 463—495.}

Tatevosov i dr. 2017 — S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Sulejmanov (red.). Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskij dialekt. Moskva: Buki Vedi, 2017. {S. G. Tatevosov, A. G. Pazelskaya, D. Sh. Suleymanov (eds.). Elements of the Tatar language in typological light. Mishar dialect. Moscow: Buki Vedi, 2017.}

Verhees 2019 — J. H. Verhees. Evidencial'nost' kak chast' vido-vremennoj sistemy glagola v nakhsko-dagestanskikh yazykakh. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2019. {J. H. Verhees. Evidentiality as part of the aspectual-tense system of the verb in the Nakh-Dagestan languages. PhD thesis. Moscow, 2019.}